

ПОВСЕДНЕВНАЯ ЖИЗНЬ РОССИЙСКИХ РАБОЧИХ НА РУБЕЖЕ XIX–XX вв.

Рассматривается соотношение заработной платы малообеспеченных слоев населения, к которым по уровню доходов относились не только рабочие, но и учителя начальных училищ, младшие офицеры, актеры, литераторы. Анализируется структура расходов, соотношение стоимости жилья, питания, приобретения одежды, доля расходов, предназначенная на покупку книг и посещение развлекательных мероприятий.

Ключевые слова:

заработная плата, квартирный найм, питание, повседневность, рабочие, Россия конца XIX – начала XX вв., сверхурочные, семья, структура расходов, угловой жилец.

Жизнь малообеспеченных слоев России на рубеже XIX–XX вв. представляет большой интерес, поскольку это была эпоха бурного промышленного развития и углубляющегося социального расслоения. Малоимущая часть российского общества была неоднородной и довольно сложной по своему социальному составу. Примерно на одном уровне доходов были промышленные рабочие, учителя сельских и городских начальных школ, фельдшеры, начинающие актеры, литераторы, артисты, духовные лица, младшие офицеры армии и флота. В 80-е годы XIX века средний уровень годовой заработной платы учителя деревенской церковно-приходской школы не превышал 180–360 руб. в год, что было в 4–6 раз меньше зарплаты среднего чиновника [7, с. 158]. В городах зарплата учителей была заметно выше. Годовая зарплата учителя 4-х классного городского училища г. Иркутска составляла 600–700 руб., приходского училища – 500 руб. Много это или мало?

Из 49 руб. 42 коп. месячного жалования (700 руб. годовых) на оплату квартиры уходило 14 руб., на отопление – 10 руб. 30 коп. (две сажени дров), на освещение – 4 руб. 40 коп. (20 фунтов керосина), вода – 75 коп., мясо (говядина, 85 фунтов) – 10 руб. 20 коп., мука – 4 руб. 65 коп (2 с лишним пуда), масло животное (5 фунтов) – 1 руб. 34 коп., крупа (20 фунтов) – 1 руб. 12 коп., чай (1 фунт) – и сахар (5 фунтов) – 2 руб. 60 коп. Если добавить молочные продукты, овощи, фрукты, соль, спички, лекарства, одежду (для всей семьи) и расходы на билеты в театр, то, конечно, маловато. Но учителя имели право на получение пособий и пенсии. При выслуге в 25 лет и выше учитель получал пенсию в размере полного месячного оклада [12, с. 79]. «Поимом материального положения, – говорил

один из иркутских учителей, – дорога и моральная сторона дела – сознание того, что общество понимает и ценит учителя труженика» [3, с. 3].

Священники по военно-морскому ведомству (в должности псаломщика) получали 240 руб. в год и квартиру натурой [17, л. 399]. Молодые офицеры флота (мичманы и прапорщики по адмиралтейству) получали в год 920 руб. плюс столовые [17, л. 395]. Примерно столько же получали армейские подпоручики и чуть больше – поручики (1028 руб. 50 коп.) [4, с. 448]. На первый взгляд, их доходы значительно превышают заработок учителей. Но офицеры за свой счет должны были заказывать военную форму, отмечать полковые праздники с обязательным угощением для солдат. В гвардейских полках, где служба была особенно дорогой, кроме полковых праздников приходилось еще оплачивать застолье шефов полков. Офицеры заводили семьи не ранее 30-летнего возраста и в звании не ниже штабс-капитана, а на флоте – лейтенанта, чтобы было на что содержать семью.

Нельзя забывать о крестьянстве в аграрно-индустриальной России. Дореволюционная статистика утверждает, что из 150 млн крестьян, а это более 70 % населения страны, лишь 25 % жило благополучно за счет приобретения земли после отмены крепостного права и использования наемного труда батраков. Остальная часть крестьянства – малоземельные, однолошадные и безлошадные бедняки – даже во второй половине 90-х годов, в период бурного экономического подъема, продолжали владеть жалкое существование. Среднестатистический крестьянин, довольствовался 17 копейками в день! [11, с. 1]. Отхожие промыслы оказывали огромное влияние на жизнь деревни, ибо добываемые ими

28 средства были единственным подспорьем для мелкого крестьянского хозяйства.

Рабочий сезон у крестьян-отходников длился от трех до шести месяцев. Они работали извозчиками, землекопами, мостовщиками (мостили камнем городские улицы), малярами, сапожниками, овчинниками, половыми в трактирах. В фабрично-заводской промышленности на долю отходников выпадала самая неквалифицированная работа. Среднегодовая зарплата этих категорий временных рабочих по разным губерниям была разной. В Калужской губернии годовой заработок строительного рабочего колебался от 77 до 143 руб., а в Ярославской губернии – от 30 до 300 руб., достигая иногда 700 руб. (в среднем от 60 до 70 руб. в месяц). В Петербурге на разгрузке хлебных барж на Калашниковской пристани на каждого крячника в сезон приходилось от 150 до 200 руб. заработка [1, с. 89]. Годовой заработок батраков колебался от 58 до 69 руб. Торговые рабочие и приказчики зарабатывали в год от 30 до 1000 руб. и более [18, с. 270]. Эту категорию рабочих социологи называли «коммерческим пролетариатом». Скопием непосильным трудом и самоограничением некоторую сумму, такие крестьяне открывали свое небольшое дело, становились горожанами и навсегда порывали как с производством, так и с деревней [1, 161].

В 90-х годах XIX века в промышленных центрах России начал складываться городской пролетариат, окончательно порвавший связи с деревней. Пролетариат был не только численно растущим, но и многослойным с разным уровнем квалификации. Среднегодовая зарплата российского рабочего (288 дней по 12 часов в день), равная 214 руб., которую приводят в своем учебнике «История Отечества (1900–1940)» для 10 класса Мишина И.А. и Жарова Л.Н., примерно соответствует заработку рабочих легкой промышленности. Но зарплата варьировалась в зависимости от губернии. В Привислинском районе средняя зарплата текстильщиков поднималась только до 187 руб., а у металлистов и машиностроителей она составляла 250 руб. Даже в одинаковых производствах, например, хлопчатобумажных московского района, средний годовой заработок ткача-мужчины составлял 166 руб. [18, с. 284]. Верхний и нижний предел годового рабочего заработка во всех 49 губерниях страны также был разным. В Петербургской губернии в 1900 г. средняя годовая зарплата рабочего составляла 252 руб., а в Европейской Рос-

сии – 204 руб. 74 коп. При этом верхняя граница заработка поднималась до 606 руб. а нижняя опускалась до 88 руб. 54 коп. По данным статистики на 1911 г. самыми высокооплачиваемыми были профессии электриков (485 руб.), машиностроителей (418 руб.), типографских рабочих (390 руб.) и нефтяников (367 руб.) [18; с. 101–102].

Но получали ли ее рабочие полностью? В конце XIX – начале XX вв. часть заработной платы удерживалась хозяевами за продукты и товары, забираемые рабочими в заводских лавках. На некоторых фабриках и заводах такая форма обеспечения продуктами и товарами считалась обязательной. Во всей фабрично-заводской промышленности России доля наличных денег, выплачиваемых рабочему, составляла в 1901 г. 84,7 % от общего заработка. В Баку в 1907 г. наличные в заработной плате нефтяников составляли всего 67,4 %. Поэтому нет ничего удивительного, что по величине заработной платы среди остальных групп населения страны рабочие занимали одно из последних мест [10, с. 148].

Революция 1905–1907 гг. заставила предпринимателей пересмотреть свое отношение к заработкам рабочих. Так, в Баку стали доплачивать рабочим, в среднем 19,1 % на использование питьевой воды, квартирное довольствие, покупку керосина, мазута, мыла и пользование баней. Происходило всеобщее повышение заработной платы (по Московской губернии в среднем на одного рабочего – до 34 руб. в месяц). Заметно сократились размеры штрафов и увеличилась доля заработной платы, выдаваемой деньгами (в 1913 г. – до 92,5 %). Самые добросовестные из рабочих стали получать к праздникам наградные (премии), которые составляли 13,5 % от заработка. Но так было не везде. В Москве, например, на текстильной фабрике Т-ва «Эмиль Циндель» наградные составляли лишь 7 %, а на предприятиях Владимирской губернии и того меньше – 3 % [10; с. 96–97]. И все-таки, у подавляющей части рабочих средней и низшей квалификации зарплата не покрывала семейных расходов. Вот почему при заработке менее 400 руб. в год часто не решались завести семью.

Существенные перемены в материальном положении рабочих стали проявляться с 1909 г. Начиная с этого года, последовал ряд необычайно урожайных лет. Среднегодовое производство пшеницы в стране в 1912 г. возросло до 161 702 000 центнеров, а его экспортная стоимость на рынках Европы – на 98,3 %. Успехи в

промышленности были гораздо скромнее, но и там количество зарегистрированных предприятий увеличилось на 4,9, а общее число рабочих – на 16 %.

Экономические успехи страны положительно сказались на материальном положении рабочих. У ткачей, например, заработная плата выросла на 74 %, а у красильщиков – на 133 %, но что скрывалось за этими процентами? Зарплата ткача в 1880 г. в месяц составляла всего 15 руб. 91 коп., а в 1913 г. – 27 руб. 70 коп. У красильщиков она выросла с 11 руб. 95 коп. – до 27 руб. 90 коп. [10, с. 201]. Гораздо лучше обстояли дела у рабочих дефицитных профессий и металлистов. Машинисты и электрики стали зарабатывать в месяц 97 руб. 40 коп., высшие мастеровые – 63 руб. 50 коп., кузнецы – 61 руб. 60 коп., слесари – 56 руб. 80 коп., токари – 49 руб. 40 коп. и т.д. [10, с. 101]. Однако так называемый слой русских «белых воротничков» был тонок и составлял к началу 1914 г. 1,1 % от всего количества рабочих [6, с. 137].

Продолжительность рабочего дня на российских предприятиях до революции 1905 г. действительно во многом зависела от произвола хозяев. Владельцы заводов и фабрик использовали свою власть для увеличения продолжительности трудового дня в обход Закона 1897 г., ограничивавшего сверхурочные работы 120 часами год на каждого рабочего. Рабочие активно боролись за сокращение рабочего дня, который продолжался от 12 до 14 часов. Но иногда, и это особенно касалось казенных заводов, сверхурочные напрямую зависели как от маломощности предприятий, так и от недостаточности оборотного капитала. Комиссия Министерства торговли и промышленности, обследовавшая в 1906 г. ряд казенных заводов, пришла к выводу, что «у них не хватает средств, чтобы работали дневная и ночная смены, поэтому они гонят работу до 14 часов в сутки одной сменой, причем в случае отказа рабочих от сверхурочных работ им угрожают наймом второй смены; рабочие же, опасаясь при этом потерять в заработке, предпочитают согласиться на производство сверхурочных работ, хотя бы это угрожало их здоровью» [10, с. 64–65].

На металлургических заводах и шахтах с их непрерывным циклом работ сверхурочных часов было просто не избежать. При официальном 10-часовом рабочем дне у металлургов и шахтеров к концу месяца накапливались дополнительные часы. Иной месяц у них состоял из 30–35 и более рабочих дней. На Коломенском машиностроительном заводе в экстренных случа-

ях рабочий день длился 19,5 и даже 21,5 часа. Известный рабочий-революционер И.В. Бабушкин в бытность свою на Семянниковском заводе в Петербурге отработал, таким образом, однажды 60 часов подряд, делая перерыв только для приема пищи [25, с. 11]. Существенные изменения в сокращении рабочего дня произошли лишь после революции 1905 г. К 1913 г. снизилось количество сверхурочных часов, рабочий день стал составлять 9–10 часов [10, с. 55].

Как же расходовалась заработная плата рабочего? Большую часть ее на рубеже XIX–XX вв. «съедала» плата за жилье. Рабочие высшей квалификации были в состоянии оплачивать наем квартиры. Иметь отдельное жилье стремились и рабочие средней квалификации, но стимулы здесь были другого толка. Для рабочих средней квалификации наем квартиры служил средством дополнительного заработка за счет подселения угловых жильцов, которые в значительной мере покрывали расходы по квартирной оплате основного квартиросъемщика. Супруга в этом случае оставляла работу на фабрике и занималась приготовлением пищи на всех, стиркой белья своих жильцов, зарабатывая 30–40 руб. в месяц.

Цены на квартиры в крупных промышленных центрах были достаточно высокими. В Петербурге в 1897 г. расходы на квартиру составляли 333 руб. 12 коп. в год, а в месяц выходило около 27 руб. 75 коп. [16, с. 12], что равнялось месячной зарплате ткача средней квалификации. Понятно, что одинокие рабочие с годовым заработком 350–400 руб. очень редко снимали комнаты и в основном составляли армию угловых жильцов [10, с. 237]. При обследовании в 1896 г. квартир на Выборгской стороне выявилось, что на 439 учтенных кроватей приходилось 1121 человек или примерно 2,4 человека на одну кровать [10, с. 240].

Один из фабричных инспекторов, посетивший в г. Боровичи Новгородской губернии казарму с коморками, площадь которых не превышала 2–2,5 аршина ширины и 2–3 аршина длины, «был ошеломлен невообразимым шумом и гамом: из одной коморки раздавалась отборная брань подвыпившего рабочего, писк и визг его ребятишек; из другой неслись какие-то дикие звуки гармоники и разухабистое пение; из третьей вылетал необычно резкий свист в такт игравшим» [23, с.113]. Холостые рабочие спали рядом с коморками на сплошных нарах в виде дощатых помостов и без всяких перегородок. В таких условиях проживало к началу XX столетия почти 47 % рабочих страны.

Среди владельцев заводов и фабрик были, конечно, люди просвещенные, отличавшиеся высоким уровнем социальной ответственности, считавшие своим долгом заботу о рабочих. Так, в письме к своей дочери А.П. Боткиной П.Н. Третьяков писал: «Моя идея была с самых юных лет наживать для того, чтобы нажитое от общества вернулось бы также к обществу (народу) в каких-либо полезных учреждениях; мысль эта не покидала меня никогда во всю жизнь» [2, с. 23].

Предприниматель С.И. Прохоров, изучивший курс химии в Московском университете, составил учебную программу, ввел дополнительные науки и в 1905 г. преобразовал свое ремесленное училище в мануфактурно-техническое с подготовительными классами. Училище готовило химиков-технологов, которые с успехом работали на многих мануфактурах России. Кроме того действовали вечерние классы для взрослых, где обучалось более 600 человек. Активно работали Прохоровы и на ниве благотворительности и повышения общего уровня образования своих рабочих и служащих. Приглашались лекторы для бесед на различные темы, работала бесплатная библиотека, действовал класс оркестровой музыки для обучения игре на духовых инструментах. Успешно развивался фабричный театр, для которого выстроили помещение на 1300 мест. Репертуар состоял из русской классики – Островский, Гоголь, Писемский и др. Расширили больницу, богадельню, увеличили число пенсий рабочим, построили новое четырехэтажное общежитие с электрическим освещением, паровым отоплением, водоснабжением и канализацией. В революционном 1905 г., когда на Пресне шли ожесточенные бои между восставшими рабочими и правительственными войсками, ни один волос не упал ни с головы Сергея Ивановича Прохорова, ни с голов его администрации, проживавших в доме на этой улице и «никто не подвергся ни малейшей неприятности со стороны рабочих и пришлых бунтарей». Пострадали лишь производственные здания Прохоровской Трехгорной Мануфактуры, в которую попали более полутысячи снарядов при обстреле баррикад Пресни [19; с. 88].

Другой представителем крупной русской буржуазии А.И. Коновалов окончил Московский императорский университет. По своему характеру это был промышленник с широким политическим кругозором. «Для промышленности, – говорил он, – как воздух необходим плавный, покойный ход политической жизни, ... нужны твердое право, закон-

ность, широкое просвещение в стране...» [19; с. 56]. Свои идеи А. И. Коновалов проводил не на словах, а на деле. Кроме развития самого текстильного производства, он много внимания уделял бытовым нуждам своим рабочим, построив для них семь благоустроенных по тому времени общежитий. Открыл бесплатную библиотеку, школу в селе Семигорье с трехлетним сроком обучения, построил здание для реального училища в Кинешме. Лечение в больнице у него, как и лекарства для рабочих, были бесплатными [19, с. 56]. Были выстроены детские ясли на 100 мест, бесплатная баня, богадельня, приют для детей-сирот, сберегательная касса. Заботливое отношение к рабочим имело тот результат, что на фабриках «Товарищества» в начале XX века не было серьезных забастовок и выступлений. Коновалов поощрял деятельность своих работников и регулировал повышал расценки, чем вызывал серьезное возмущение владельцев соседних фабрик. Своим соседям-фабрикантам Коновалов отвечал: «Мнение моих рабочих для меня гораздо важнее, чем мнение какого-нибудь Кокорева или Разоренова» [2, с. 28–29].

Уже с конца XIX столетия общей тенденцией становится строительство владельцами предприятий рабочих жилищ улучшенной планировки. Закон 1892 г. «Об усилении земского санитарного надзора» разрешал возводить жилье здания лишь после заключения санитарного врача или уездного санитарного совета [10, с. 264]. В Боровичах владельцы керамического завода кислотоупорных изделий инженеры братья Колянковские построили для своих рабочих в поселке Вельгия (теперь городская окраина) деревянные одноэтажные дома с отдельными выходами и приусадебными участками. Рабочий мог приобрести это жилье в кредит, первоначальная сумма взноса составляла всего 10 руб.

Были владельцы фабрики, которые совсем иначе решали проблему снятия социальной напряженности. Глава торговой фирмы сибиряк И.Ф. Смирнов дважды в год устраивал для своих работников «грандиозное пьянство за счет фирмы», приурочивая эту акцию к какому-либо празднику. Каждый имел право напиться до потери сознания. Из конторы фирмы звонили в полицию и просили, «чтобы сегодня пьяных служащих конторы Смирнова в каталажку не брали, а доставляли их за счет фирмы на квартиры» [2, с. 100].

Приобретение одежды было крупной статей расхода рабочего бюджета, так как спецодежду на предприятиях не выдавали.

Одиноким рабочие и работницы тратили на одежду (домашнюю, выходную и рабочую), от 44,7 а семейные – до 71,4 % своего бюджета. Одним словом, в начале XX века на чисто материальные потребности – жилье, пищу, одежду и личную гигиену типичные для Петербурга группы рабочих расходовали примерно 80 % годовой зарплаты [16, с. 41].

Питание, как и жилье, всегда относились к наиболее важным компонентам материальной жизни. Продукты питания производились в стране в достаточном количестве как по ассортименту, так и по качеству и продавались по вполне доступным ценам. В Новгородской губернии фунт (409 гр.) ржаного хлеба стоил 2–2,5 коп., белого хлеба – до 7 коп., полтора фунта картофеля – 2,2 коп., фунт говядины – от 12 до 16 коп., фунт сахара – 16 коп. Овощи на рынке не перевалились круглый год [5, с. 4]. Одним словом, набор самых необходимых продуктов на одного взрослого человека стоил 26 коп. в день. Калорийность этого набора для одного человека составляла 3,255 кал. [8, с. 154]. Цены на продукты питания в последней трети XIX и в начале XX века повышались незначительно. К 1913 г. расходы на питание у текстильщиков увеличились всего на 8 %. Зарплата же, как мы уже видели, выросла за это время на 74 %. Рост заработной платы населения постоянно обгонял рост цен! К началу I-й Мировой войны питание отнимало у холостого рабочего четвертую часть заработка. У семейных рабочих доля расходов на питание зависела не только от количества едоков, но и от числа работающих. И тем не менее, абсолютная величина денежных затрат на питание у русских рабочих была меньше, чем у их собратьев в ряде стран Западной Европы [14, с. 30]. По выборочному обследованию нормы питания тульских рабочих в августе 1916 г. выяснилось, что они получали в день 5026 калорий [9, с. 33], что и сегодня соответствует норме питания летно-подъемного состава турбовинтовой авиации ВВС.

Описывая один из самых распространенных видов питания для малоимущих в городах, московский купец И.А. Слонов вспоминал: «Главным перлом толкучки между Владимирскими и Проломными воротами была «царская кухня», где целый день проходила кормежка пролетариата, который за две копейки мог получить миску горячих щей и кусок черного хлеба. Тут же несколько разносчиков с небольшими лотками с лежащими на них вареными рубцами, печенкой, колбасой и обрезками мяса

и сала, называемыми «собачьей радостью». Эти продукты пролетариат покупал для закуски, завертывал в грязную бумагу, клал в карман и шел с ней в кабак» [19, с. 12].

Артельное питание – наиболее архаичный тип пищевого довольствия – было сытным, но однообразным. Молочные продукты в этом рационе отсутствовали, но мясная порция на человека в день составляла 200 грамм. В шлиссельбургских харчевых артелях в конце 90-х годов преобладала мучная пища. Ржаного хлеба съедалось от 1,2 до 2 кг в день. В скромный день мясо (250 гр. на человека) заменялось рыбой – треской, снетками, головизной севрюги и белуги. Чай пили артельный или «собственный» [10, с. 170]. Стоимость обедов, особенно на Юге в период уборки зерновых, была дешевой. Обед сельскохозяйственного рабочего в Херсонской губернии, состоящий из борща с мясом, гречневой каши с маслом и фунта черного хлеба, стоил всего 6 копеек! Творог и молоко рабочие получали бесплатно.

Жизнь в крупных городах была дороже, чем в провинции, поэтому малоквалифицированная и многодетная часть рабочего населения (более 60 %) [6, с. 137] крупных городов даже в самые урожайные годы при общем снижении цен на продовольственные товары и росте заработной платы по-прежнему стремилось купить продукты подешевле, а значит и качеством похуже. В мелких лавчонках, рассчитанных на безыскательного покупателя, хозяйка добавляла в молоко для густоты мед или мел.

Весьма обременительной статьёй расхода рабочего бюджета была так называемая «питейная статья». Основными причинами пьянства были, с одной стороны, деревенская традиция праздников, с другой – изнурительная работа. Статистика 1897 г. утверждает, что именно сельское население страны уплачивало «наибольшую часть питейного налога» [18, с. 200]. Алкогольные традиции в деревне соблюдались с особой тщательностью. Пить начинали задолго до свадьбы. В богатых крестьянских семьях, где свадьбы длились от 4 до 5 дней, гости (мужчины, женщины и дети) порой напились до потери сознания [13, с. 75–76]. Прав был, пожалуй, Н.А. Некрасов, когда писал о феноменальных способностях русских «питухов» и их немалом количестве: «Может выпить сто стаканов. – Только подноси. – Мало ли таких Иванов – на святой Руси».

А сколько же тогда пили городские жители? Статистика подсчета употребления

вина была во многом приблизительна. Боязнь прослыть «питухом» удерживала некоторых горожан от прямого ответа. Однако с развитием капитализма именно население крупных городов становится основным потребителем водки. В среднем по Петербургу на душу населения приходилось 2,43 казенного ведра водки в год, но отдельные индивиды доводили этот показатель до 9 ведер [22, с. 9]! Исключение из пьющего большинства составляла лишь небольшая группа высокооплачиваемых и образованных рабочих (машинисты на транспорте и флоте, электрики, слесари-инструментальщики, разметчики, ювелиры, типографские рабочие и другие, чья работа требовала внимания и ясной головы). Те категории рабочих, чей заработок в месяц составлял свыше 60 руб. (высшие мастера, буровые мастера, кузнецы, токари и т.д.) тратили ежемесячно на водку от 13,5 до 20,9 % от заработанного [22, с. 8].

Досуг для большей и низкооплачиваемой части рабочих в воскресные дни начинался с посещения церкви, а заканчивался кабаком либо публичным домом, игрой в карты на деньги или коллективными драками «стенка на стенку», которые без соответствующего «подогрева» не обходились. Накануне Масляной недели в Петербурге на Марсовом поле возводились балаганы и снеговые горы для катания на санках, ставились карусели и качели. Весьма популярными были также выступления цирковых атлетов, фокусников и животных, балаганные представления. Иной балаганный зывывала использовал в своих прибаутках ненормативную лексику, вызывая одобрительный хохот толпы. Цена всем развлечениям была мизерная: от 3 до 10 коп. [1, с. 209].

Русская творческая интеллигенция попыталась, было, изучить палитру народных вкусов, но потерпела сокрушительный провал. Л.Н. Толстой по началу с энтузиазмом принялся творить для народа. «Если подумаю, что пишу для Афанасьев... для Данил и Игнатов и их детей – восторженно отмечал автор «Войны и мира», – то делается бодрость и хочется писать» [21, с. 326]. Но простой народ упорно не замечал ни «Войны и мира», ни «Анны Каренины», ни «Обломова», ни «Вишневого сада». Закончив сезонные работы, крестьяне покупали на Никольском рынке лубочные книжки с яркими обложками, городские гостинцы и отправлялись домой. Столичных рабочих, исключая высокопрофессиональных, также мало интересовали серьезные издания. Большинство из них лишь нерегулярно читало газеты

«Русское Слово», «Копейка», Московский и Петербургский «Листки», нарасхват шли военные рассказы, русские народные сказки и приключения сыщика Ната Пинкертона.

По результатам изучения читательского спроса 50-ти московских рабочих выяснилось, что до Перовой мировой войны книжки и брошюры читало около 41,8 % из них, но городскими библиотеками пользовалась лишь четвертая часть. Книжки покупались где попало, что свидетельствовало о бессистемном чтении. Интересно и то, как читались эти книги? 24 человека из опрошенных совершенно не помнили, что читали или что понравилось. Квалифицированному металлу Г. очень понравился Достоевский, но он так и не смог вспомнить ни одной статьи писателя. Слесарю Б. очень понравился Жуковский и очень не понравился Дон-Кихот. Другой читал «Гарибальди», но совершенно не помнит автора. Рабочий-гравер ответил: «Среда, которую рисует Тургенев, является чужой и непонятной» [8, с. 130].

Столь же равнодушно отнеслись рабочие к «1-й народной выставке картин», которую организовало для них в 1904 г. Товарищество передвижников. Художественные полотна великолепных мастеров живописи Маковского, Мясоедова, и других, выставленные на просмотр в рабочих районах Петербурга, не вызвали ожидаемого наплыва. «Униженным и оскорбленным» было неинтересно смотреть на собственную жизнь [20, с. 33–34]. Потерпел крах и Василеостровский театр для рабочих. Его руководитель П.А. Денисенко с помощью Л.Н. Толстого составили репертуар из произведений Островского, Писемского, и других, но посещала спектакли лишь местная интеллигенция [24, с. 64]. Рабочие на вопрос анкетировавших отвечали так: «Нет у нас никакого чутья, чтобы понять душу серьезной вещи. Остроты, шутки мы понимаем и любим посмеяться» [8, с. 131]. Ткачи фабрики Эмиля Цинделя, из которых 33 % были вообще неграмотны, а 65 %, проживших в Москве 5–6 лет и ни разу не бывали в театре или на народной лекции, дружно ответили: «Не знаем туды трахту!» [8, с. 188]. Вл.И. Немирович-Данченко с горечью отмечал, что его Московский Художественный театр, в котором места на галерке стоили 32 коп., «посещают только сытые. Голодный, или больной, или разбитый жизненной драмой в театр не ходит...». Кардинально изменить вкусы большей части населения страны, которое по данным 1887 г. имело 90,6 % неграмот-

ных всех возрастов и обоих полов, было пока невозможно.

Со временем, ближе к революции 1917 г., уровень грамотности лиц молодого возраста и подрастающего поколения рабочих и крестьян заметно повысился. В 1914 г. дети рабочих и крестьян состав-

ляли до 40 % учащихся многих московских институтов. То же самое отмечалось и в военных училищах. Эта тенденция и нашла свое отражение в качественных изменениях читательского спроса, хотя беллетристика все еще занимала первое место.

Список литературы:

1. Бахтияров А.А. Брюхо Петербурга. Очерки столичной жизни. – СПб.: ФЕРТ, 1994. – 224 с.
2. Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX – начале XX века. Материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново, 8–9 июня 1993 г. – Иваново: ИвГУ, 1994. – 102 с.
3. Восточное обозрение [газета]. – 1894. – № 59.
4. Вся Россия: Сборник. Вып. 1. / Ред.-сост. П.А. Кошель и др. – М.: «Московский писатель», 1993. – 508 с.
5. Журнал Боровичской городской думы за 1887. – Боровичи, 1887. – 112 с.
6. Иванова Н.А. Структура рабочего класса России, 1910–1914 гг. – М.: Наука, 1987.
7. История СССР. 1861 – 1917 / Под ред. В.Г. Тюкавкина. – М.: Просвещение, 1990. – 468 с.
8. Кабо Е. О. Очерки рабочего быта. Опыт монографического исследования домашнего рабочего быта. Том 1. – М.: ВЦСПС, 1928. – 290 с.
9. Кабо Е.О. Питание русского рабочего до и после войны. По статистическим материалам 1908–1924 / Под ред. и с предисл. С.Г. Струмилина. – М.: Вопросы труда, 1926. – 182 с.
10. Кириянов Ю.И. Жизненный уровень рабочих России (конец XIX – начало XX в.). – М.: Наука, 1979. – 287 с.
11. Коробков В.А. О влиянии городского и земского строительства на рост народного благосостояния. В саратовскую городскую думу саратовского городского головы В.А. Коробкова доклад. – Саратов, 1912. – 10 с.
12. Лисичникова А.В. Учителя Иркутска (вторая половина XIX в.) // Педагогика, 2000. – № 6. – С. 78–84.
13. Литвак К.Б. Самогоноварение и потребление алкоголя в российской деревне 1920-х годов // Отечественная история. – 1992, № 4. – С. 70–78.
14. Наумов Г.И. Бюджеты рабочих города Киева. По данным анкеты, произведенной в 1913 г обществом экономистов и ремесленной секцией при Киевской выставке. – Киев, 1914.
15. Немирович-Данченко В.И. Театральное наследие: В 2-х т. Т. 1: Статьи, речи, беседы, письма. – М.: Искусство, 1952. – 443 с.
16. Прокопович С.Н. Бюджеты Петербургских рабочих (По данным анкеты, произведенной XII (содействия труду) отд. И.Р.Т.О.). – СПб., 1909. – 16 с.
17. Российский архив военно-морского флота. Ф. 406. Оп. 3. Д. 1194.
18. Россия: Энциклопедический словарь [Репринтное изд. Вых данные оригинала: СПб., 1898]. – Л.: Лениздат, 1991. – 874 с.
19. Русский торгово-промышленный мир: Фотокнига / Авт. текста П.А. Примаченко. – М.: Планета, 1993. – 335 с.
20. Стернин Г.Ю. Художественная жизнь в России на рубеже XIX–XX веков. – М.: Искусство, 1972. – 293 с.
21. Толстой Л.Н. Письмо М.Л. Толстой 23 сентября 1895 г. / Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 19. – М.: Художественная литература, 1984. – С. 326
22. Троицкий В.П. Влияние казенной продажи вина на благосостояние населения в 35 губерниях Европейской России в 1898 году. – Ташкент, 1902. – 29 с.
23. Уваров М.С., Лялин Л.М. Охрана жилища и здоровья работающих. Систематическое изложение профессиональной гигиены. Врача М.С. Уварова и фабричного инспектора Л.М. Лялина. – М.: Тип. тов-ва И.Д. Сытина, 1907. – 580 с.
24. Хайченко Г.А. Русский народный театр конца XIX – начала XX века. – М.: Наука, 1975. – 367 с.
25. Хрестоматия по истории СССР. 1900–конец 1930-х гг. Пособие для учителей / Сост. С.И. Матруненок, под ред. Ю.И. Кораблева. – М.: Просвещение, 1988. – 286 с.